

с Михаилом Садчиковым

Петербургские вечера

ОТ АВТОРА. Когда говорят сквозь зубы: «Ну, эти детективщицы — Донцова, Маринина, Устинова!», то, как правило, романов их не читают. Это не просто успешные дамы, заработавшие в России миллион и больше долларов честным трудом, что само по себе вызывает уважение, а еще и очень разные люди,

разные личности. И кстати, в отличие от большинства представителей одного цеха они уважают и ценят друг друга...

Маринина в этой троице — самая мудрая, самая мастеровитая, не тусовочная. Нет ее ни в «ящичке», ни на светских раутах, она не отдается

глянцевым журналам на фотосессии в загородном доме (еще и потому, что загородного дома в Подмоскovie у нее нет, живет в центре старой Москвы). Мне кажется, она такая, потому что, уехав из Ленинграда в 12 лет, все равно осталась нашим человеком.

**Александра
МАРИНИНА:**

Петербург сделал меня такой, какая я есть

**ИЗВЕСТНАЯ
ПИСАТЕЛЬНИЦА
ЖИВЕТ В МОСКВЕ,
НО НЕ ЗАБЫВАЕТ
О КОРНЯХ**

— Марина Анатольевна (если кто-то не в курсе, таково настоящее имя писательницы. — Прим. авт.), когда и при каких обстоятельствах вы поняли, в каком уникальном городе живете?

— Уехала я из Петербурга в 6-м классе — значит, мне было 12. Но потом я сюда возвращалась. Здесь поступала на юрфак, окончила первый курс... А вот понимание, в каком уникальном городе я жила, пришло тогда, когда мне было уже немало лет. Ведь большая часть моей жизни прошла в Москве, а то, что я раньше в жизни имела, — не понимала. Родители, надо отдать им должное, сделали многое для того, чтобы я как можно больше увидела и узнала. Просто по молодости лет я не понимала всего этого и не смогла в полной мере оценить Петербург. Кроме того, мой отец был большим поклонником оперного вокала и меня уже с малых лет, когда я смогла себя нормально вести в обществе, водили в Малый оперный театр (нынешний Михайловский. — Прим. авт.) на самые разные спектакли. Моим кумиром был Виргилиус Норейка (литовский и советский тенор, народный артист СССР, в те годы, про которые рассказывает Марина, ему было меньше тридцати, а сейчас уважаемому Виргилиусу-Кястутису 78. — Прим. авт.), я была в него влюблена, когда мне было шесть-семь. Ой, как он мне нравился! В Малом оперном он пел Герцога в «Риголетто». Отчетливо помню, какой у него был костюм, и помню, как он посматривал на левую ложу. Мой отец, оперативник, очень наблюдательный человек, говорил, что, наверное, у него там пассия...

— А кто-то из наших питерских оперных знаменитостей волновал ваше детское девичье сердечко?

— Самосуд (Самуил Абрамович Самосуд, напротив, был уже тогда на склоне лет, впрочем, что для великого дирижера возраст! — Прим. авт.), он прекрасно дирижировал. Поскольку я училась в музыкальной школе и в дирижировании кое-что понимала, то спектакли, которыми дирижировал Самосуд, были для меня какие-то другие.

— Марина, как вам нынешний Петербург?

— К сожалению, нынешний Петербург я вижу очень мало. Вот вчера приехала в шесть вечера, с поезда меня сняли под белы ручки и отвезли на встречу с читателями. После встречи вышла — темно, уже ничего не видно. Тем не менее я что-то успеваю увидеть. Есть верхний ярус города и нижний. Вот верхний ярус — это тот же город, что был Ленинградом, каким я его помню с детства. Я с 9-го этажа отеля вижу шпиль Адмиралтейства, купол Исакиевского, все то, что видела в детстве. А спустилась вниз и пошла — это ужас. В прошлом декабре у меня было время пройтись по тем улицам, которые помню с детства. Я чуть не «промахнулась» мимо собственного подъезда. Даже его не узнать, он стал другим. Понятно, что в окрестностях появились магазины, офисы, учреждения, которых прежде не водилось... Школа осталась, Институт имени Пирогова остался. Окна наши как раз на операцион-

ную выходили. А моя бабушка работала в БДТ, поэтому у меня всегда был театральный бинокль, в который я разглядывала, что происходит в операционной. Бабушка в БДТ была комендантом здания. Поэтому все спектакли, которые шли в театре во время моей жизни в Ленинграде, были просмотрены, и не один раз.

— Какие самые любимые?

— Мне очень нравились «Мещане». Кстати, благодаря этому спектаклю у меня в голове не сложилось стереотипа, что Горький — певец русской революции. Потому что с детства долбали «Песнью о Буревестнике» — все революция, революция. Вдруг прихожу на спектакль абсолютно человеческого, про жизнь, никакой революции там близко нет. Потом «Варвары» пошла смотреть, «Последних», в общем, пересмотрела все. И когда в 9-м классе дошло до романа «Мать», то была единственной в классе, кто прочитал его с наслаждением. И понял, что это про маму, а совсем не про то, про что написано в учебнике. Он потому и называется «Мать», что про слепую материнскую любовь (тут случилось неожиданное: Марина заплакала, но объяснять отчего, не стала, а автор, выждав минутную паузу, не стал лезть в душу. — Прим. авт.)... Все, поехали дальше — про что-нибудь другое.

— Были в вашей жизни моменты, когда вы думали: «А хорошо бы вернуться в Питер!»?

— Нет. Совсем не потому, что не люблю Питер. У меня в голове все так устроено, что я нацелена только на день нынешний и вперед. И никогда — назад. Примерно до 30 лет я играла на гитаре и на пианино, само собой. Но как-то случилось, что я перестала играть на ней, потом я переехала. Исчезла из дома гитара. И у меня никогда больше не возникало желания взять ее в руки. Все, этот этап моей жизни закрыт. А я пела русские романсы, всех бардов того времени — Кукин, Клячкин, Галич... Ну и свои.

— А что вот вы лично сделали для Петербурга?

— Я лично для Петербурга не сделала ничего, к сожалению. А что я могу сделать?

— Ну вот хотя бы эти встречи с петербургскими читателями. Вы ведь бесплатно выступаетаете...

— Я никогда их в этом смысле не рассматривала. Это мне самой удовольствие.

— В ваших книгах есть Петербург?

— Конечно. «Смерть потерпевшего «никто» — там все действие происходит в Петербурге. И в романе «Тот, кто знает» есть эпизоды петербургские. Именно здесь главная героиня знакомится со своим мужем. Муж — подводник, точней, учится на подводника... А буквально накануне нашей встречи мы были в замечательном заведении на улице Якубовича, 10. Клуб «Республика кошек» — так это называется. Встреча в клубе натолкнула на мысль, что после книги о спорте, которую я сейчас пишу, будет книга, которая позволит рассказать об эрмитажных кошках, о кошачьих приютах. Об этой кошачьей республике. Там такие замечательные девчонки работают, которые так обожают этих кошек! Мне очень захотелось об этом написать, а раз кошки будут эрмитажные, то это никак не сможет происходить ни в Москве, ни в каком другом городе.

— В вашем петербургском детстве у вас были кошки-собаки?

— Нет, мы жили в коммунальной квартире, тогда это было неприемлемо.

— А что для вас сделал Петербург?

— Он сделал меня такой, какая я есть. В Москве я уже другой не становилась. И мне кажется, что это мое достоинство. А у меня

много недостатков и мало достоинств. Так вот одно из достоинств — это безграничное терпение и выдержка. Это у меня, конечно, отсюда. Москвичи вообще этим не грешат, поскольку Москва город более суетный, более взрывной. А вот эта аура флегматичности, доброжелательности и терпения, в которой я выросла, конечно, отсюда.

— В вашей прежней жизни находилось место любимой горожанам газете «Вечерний Ленинград»?

— «Вечёрку» моя бабушка выписывала. Читала ее. Это постоянно было в нашем доме. Она говорила: «Машу-нечка, сходи в почтовый ящик, «Вечёрку» принеси!» Бабушка моя — жена чекиста. У меня же дед был председателем Ленинградского областного суда в 30-е годы. Она — жена правоохранителя, при театре всю жизнь, а никаких «Правд», «Советских Росий», никаких «Трудов», ничего этого в руки не брала. Только «Вечёрка»! Отсюда у меня с самого детства ощущение неофициальных газет. То есть не официальная газета утренняя, когда ты должен прийти на работу в партком, заряженный новыми идеями генсека, а газета второй половины дня — менее официальная, более человеческая, с самого детства была очень привлекательна.